

Иван Байбаков

1941 — БОИ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Малой кровью на своей территории

Иван Байбаков

1941 – Бои местного значения

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Байбаков И. П.

1941 – Бои местного значения / И. П. Байбаков — «Издательство АСТ», 2020 — (Малой кровью на своей территории)

ISBN 978-5-17-121484-5

Освободив пленных и сформировав из них боевой отряд в тылу противника, бывший командир батальона мотострелковых войск, а теперь командир отдельного мобильного отряда особого назначения Белостокского оборонительного укрепрайона лейтенант Красной армии Сергей Иванов обучает своих бойцов новым боевым приемам и методам ведения войны, сражается с превосходящими силами противника, попутно захватывая и используя оставленные нашей армией ресурсы и трофеи противника. Расширяя территорию, подконтрольную советским войскам в тылу врага, уничтожая коммуникации снабжения и нарушая связь, его отряд вносит путаницу и неразбериху в отлаженную работу германской «военной машины», разрушая планы немецкого командования по организации Белостокского и Минского котлов окружения советских войск. Вот только в Москве об этом пока ничего не знают, поэтому в ежедневных сводках «От Советского информбюро» про эти сражения будут упоминать одной фразой: «На Западном фронте, в районе Белостокского выступа, идут бои местного значения...»

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-121484-5

© Байбаков И. П., 2020

© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Предисловие, или Небольшое вступление от Автора	7
Пролог	8
Глава 1	17
Глава 2	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Иван Байбаков
Малой кровью на своей территории:
1941 – Бои местного значения

Серия «Военная фантастика»

Выпуск 177

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

© Иван Байбаков, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Предисловие, или Небольшое вступление от Автора

Уважаемые читатели!

Прежде чем вы откроете эту книгу и приступите к чтению, позвольте сделать несколько уточнений.

Предлагаемый вам роман о событиях Великой Отечественной войны не является ни документальным историческим исследованием, ни учебником по тактике ведения боевых действий, ни справочником по истории развития техники. Это просто попытка интересно для читателя рассмотреть и описать события того времени в условиях внедрения некоторых элементов «послезнания» и «прогрессорства». Надеюсь, роман будет интересен читателям, которые любят анализировать и оценивать исторические события с разных точек зрения и в условиях изменения некоторых базовых обстоятельств.

Тем же из вас, уважаемые читатели, кто серьезно интересуется реальной историей во всем многообразии ее проявлений: историей реальной и альтернативной, историей развития цивилизации и общества, историей войн, военной тактики и стратегии, историей развития техники, вооружения, организации армий, и т. д., могу порекомендовать обратиться к следующим открытым ресурсам информационной сети Интернет, содержащим много интересной и полезной информации:

Сайт «battlefront.ru»: <http://battlefront.ru/index.php>

Сайт «Para Bellum»: <http://www.vn-parabellum.com/index.html>

Сайт «Армейский вестник»: <http://army-news.ru/>

Сайт «Боевые действия Красной Армии в ВОВ»: <http://bdsa.ru>

Сайт «Большая военная энциклопедия»: <http://zonwar.ru/index.html>

Сайт «Википедия»: https://ru.wikipedia.org/wiki/Заглавная_страница

Сайт «Виртуальная энциклопедия бронетехники»: <http://pro-tank.ru/home>

Сайт «Военная археология, История»: <http://копанина.рф>

Сайт «Военная литература»: <http://militera.lib.ru>

Сайт «Военное обозрение»: <https://topwar.ru>

Сайт «Военно-Исторический портал, посвященный Второй Мировой войне»: <http://www.2history.ru/index.php>

Сайт «Исторические материалы»: <http://istmat.info>

Сайт «Обозник»: <http://www.oboznik.ru>

Сайт «Рабоче-Крестьянская Красная Армия»: <http://www.rkka.ru/index.htm>

Сайт «Солдат.ru»: <http://www.soldat.ru/>

Сайт «Танковый фронт»: <http://www.tankfront.ru/index.html>

Сайт «Техника Победы»: <http://www.tehnikapobedy.ru/index.htm>

Сайт «Цивилизация и война»: <http://ciwar.ru>

Сайт Юрия Веремеева «Анатомия армии»: <http://army.armor.kiev.ua>

И еще одно уточнение.

Произведение написано в жанре альтернативной истории и является полностью фантастическим. Все персонажи вымышленные, и любое совпадение с реально живущими или жившими людьми случайно.

А теперь – приятного чтения!

Пролог

«Тиха украинская ночь. / Прозрачно небо. Звезды блещут. / Своей дремоты превозмочь / Не хочет воздух...» – отметил в свое время прелесть ночной природы великий русский поэт А. С. Пушкин в поэме «Полтава». К слову сказать, в этом произведении он, среди прочего, описывал также действия всяких мерзавцев и негодяев, которые нагло приперлись захватывать чужую землю, но по результатам своих необдуманных действий изрядно огребли не только имущественных потерь, но и физических неприятностей на собственные организмы.

С той поры минуло много лет, но людей со звериными душами и ублюдочным мировоззрением в мире не стало меньше. И вот теперь, в июне 1941-го, ситуация вновь повторилась, включая мелкие детали в виде наличия мерзавцев и предателей.

Снова на чужую землю, теперь уже на всем протяжении западной границы Советского Союза, приперлись незваными всякие сволочи и подонки, чтобы грабить, убивать, насиловать, мародерить все, до чего дотянутся, – словом, демонстрировать покоряемому местному населению все свои самые мерзкие качества, за неимением других. Они считали все население огромной страны унтерменшами, недочеловеками, которые могут и должны существовать только на положении рабов – вне зависимости от национальности, этноса и вероисповедания – только потому, что захватчики определили для себя, что так должно быть...

И снова в прозрачном ночном небе блистали звезды, а воздух, пропитавшийся дневной жарой, неторопливо, дремотно шелестел в кронах деревьев, отдавая накопленное за день тепло и насыщаясь взамен прохладной свежестью, попутно разнося по округе птичье щебетание. ... Вот только ночи, восхитительные летние ночи, воспетые великим поэтом, тихими уже не были – война теперь шла другими средствами и по другим правилам...

Ночь 28-го и раннее утро 29 июня 1941 года в Белоруссии, в районе Белостока, тоже не были тихими. Еще накануне, как только обозначились вечерние сумерки и фашистские летчики, успевшие за день изрядно нагадить не только советским войскам, но и местному населению и самой белорусской природе, отправились пить вечерний кофе, попутно хвастаясь друг перед другом своими дневными «подвигами», в число которых обязательно входили бомбежка мирного населения и расстрел беззащитных беженцев на дорогах, в темнеющем небе снова послышался тяжелый гул авиационных моторов. И гул этот не прекращался потом всю ночь, до самого утра, – во исполнение приказа командующего Западным фронтом генерала армии Павлова, под Белосток перебрасывалась по воздуху, посадочным способом, 214-я воздушно-десантная бригада из состава 4-го воздушно-десантного корпуса...

Уже перед самым рассветом, нагруженный под завязку и еще чуть-чуть сверху, тяжелый четырехмоторный бомбардировщик ТБ-3 из состава 326-го десбап (десантно-бомбардировочного авиационного полка) ВВС РККА – крайний в длинной веренице таких же нагруженных в перегруз своих собратьев – мягко коснулся своими здоровенными сдвоенными колесными тележками грунтовой взлетно-посадочной полосы военного аэродрома под Белостоком. Натужно кромсая винтами воздух, он медленно, тяжело порулил с полосы на стоянку, стараясь по возможности объезжать воронки от немецких авиабомб, кое-как засыпанные накануне в большой спешке, – за неполную неделю войны бомбардировщики люфтваффе с истинно немецкой педантичностью отметились и по этому, и по остальным окрестным аэродромам уже не один раз.

Бомбардировщик зарулил на стоянку и замер, неспешно глуша перегретые, славно потрудившиеся этой ночью моторы. К самолету сразу кинулась аэродромная обслуга, изрядно разбавленная для массовости обычной пехотой, – рассупонивать и разгружать закрепленное под

днищами самолетов на внешней подвеске имущество, – а к плоскости правого крыла заторопился с лесенкой для спуска десанта молоденький солдат.

Командир экипажа, он же первый пилот, медленно отпустил штурвал, несколько раз сжал в кулаки и разжал дрожащие от напряжения пальцы рук, чуть размял затекшие плечи, а потом устало откинулся на спинку сиденья и с чувством проговорил:

– С... собачья свадьба!.. Как же я умаялся-то!.. Два боевых вылета за ночь, без малого по триста пятьдесят километров туда и обратно, да в темноте и на максимальной скорости, да еще со всякими разнотипными грузами на внешней подвеске!.. А еще погрузка и выгрузка в авральном режиме... Сколько летаю, а так еще ни разу не упахивался!

– И не говори, командир, – поддержал его сидящий рядом и не менее уставший второй пилот. – Я думал, тяжелее, чем когда мы обеспечивали снабжение по воздуху наших войск в Польском походе, быть уже не может, но нынешняя ночь!.. И как только самолеты до конца выдержали... Хотя моторы теперь по-любому основательно перебирать придется...

Пока пилоты обменивались впечатлениями, медленно отходя от сумасшедших физических и нервных нагрузок, выпавших на их долю этой ночью, в фюзеляже открылся люк грузовой кабины, и на правую плоскость крыла начали выбираться десантники. При этом некоторые, особо нетерпеливые, не дожидаясь своей очереди спуска по приставленной к крылу лесенке, начали прямо с крыла, с полутораметровой высоты, спрыгивать на землю, демонстрируя окружающим свою лихость и ловкость. Да еще и потом, уже на земле, ожидая остальных, в качестве разминки затеяли шутиливую возню с элементами самбо и рукопашного боя.

«Вот же черти двужилые, куда им дурную силу и энергию девать, – с улыбкой подумал командир 214-й воздушно-десантной бригады полковник Левашов, наблюдая прыжки, кувырки и прочие элементы прикладной акробатики в исполнении своих бойцов. – Эта ночка всем тяжело далась, да еще и неизвестно, будет ли отдых, или сразу в бой, а им все нипочем – молодцы, горжусь своими ребятами!»

Он спускался последним, не мешая остальным выбираться из тесных и неудобных, не очень-то и подходящих для перевозки людей самолетных проходов и крыльевых ниш. Спускаясь, не удержался и ласково похлопал самолет по обшивке, как бы благодаря его за добросовестную службу вообще и за напряженную боевую работу нынешней ночью в частности. Эти тихоходные, угловатые и давно устаревшие в своем классе старички-ветераны еще перед войной были сняты с вооружения в бомбардировочных частях и использовались в основном в качестве военно-транспортных. Но с началом войны снова вернулись в строй, причем с первых дней показали очень неплохие результаты именно в качестве бомбардировщиков, точнее, ночных бомбардировщиков, – днем-то они, со своей тихоходностью, становились легкой добычей немецких истребителей и средств ПВО. Зато ночью их тихоходность, а вследствие этого малозумность и точность бомбометания давали превосходный результат, так что в первые же дни боев всех «старичков» сразу расхватили обратно по боевым бомбардировочным частям. И даже приданные их 4-му воздушно-десантному корпусу десантно-бомбардировочные авиационные полки вовсе использовали именно как бомбардировочные, еще и потому, кстати, что в текущей оперативной обстановке выбрасывать или перебрасывать по воздуху десанты было куда и незачем – наша армия отступала.

...Да, война началась совсем не так, как себе это представляли и к чему готовились, никакого решительного контрнаступления, а значит, и никакой массовой выброски парашютного десанта в тыл врага. И уже ходили неясные пока слухи о том, что их 4-й воздушно-десантный корпус готовится направить на передовую, в боевые порядки пехоты, ну и сражаться, соответственно, как обычная пехота. Оно и это не пугало – десант хоть в тылу врага, так сказать, по специальности, хоть на переднем крае, в рукопашной, он везде десант, труса не празднует и любой пехоте фору даст. Но все же щемило сердце, что его орлы, в обучение и подготовку которых было вложено столько сил, средств, да и изрядная часть собственной души, вместо того

чтобы наводить на противника в его тылах страх и трепет своими особыми минно-взрывными умениями и диверсионной подготовкой, будут ничемно разменивать свои жизни на передовой, под немецкими бомбами и пулеметами, зачастую даже не имея возможности сойтись с врагом вплотную, добраться своими руками до его горла. Вот и томились пока десантники в местах дислокации, с бессильной ненавистью слушая сводки боевых действий и готовясь со дня на день воевать как пехота. До вчерашнего дня...

...Началось все со странного – напрямую из штаба фронта – вызова Левашова к командующему фронтом, генералу армии Павлову. Вызова неожиданного и потому еще более странного – вроде не по чину ему, простому комбригу, по высокому начальству шататься, чай не стратег-полководец. Для этого дела есть командующий корпусом, есть его заместители, есть начштаба корпуса, наконец. Его же дело – орлов своих готовить на совесть и потом с ними боевые операции проводить... и если понадобится, так и лично с ними в бой ходить. А боевые приказы ему и начальство корпусное довести может, не обязательно для этого в штаб фронта тащиться. Ну а если не за боевым приказом, так зачем еще туда ехать-то, к самому командующему? Но приказ есть приказ. Впрочем, как выяснилось чуть позднее, командующего воздушно-десантным корпусом тоже вызвали...

В приемной командующего фронтом им пришлось подождать – Павлов проводил совещание. Как скупое шепнул командующему корпусом один из адъютантов, его знакомец, – утром комфронтом неожиданно для всех отменил уже почти начавшееся перебазирование управления и служб фронта в тыл, раздал оглушительных трюндюлей высшему комсоставу фронта и своему штабу, а сейчас проводит рабочее совещание по выработке планов обороны Минска и стабилизации линии фронта в целом. Пока ждали, Левашов осмотрелся, и его поразила изрядная суета – все вокруг носились, как наскипидаренные, но суета не бестолково-паническая, а какая-то... сосредоточенная, деятельная суета. Трезвонили телефоны, носились туда-сюда порученцы разных рангов, сновали машинистки с текстами приказов и делегаты связи с пакетами донесений.

Само совещание, к слову, тоже проходило очень интенсивно и весьма... необычно, на взгляд Левашова. В кабинет к Павлову то и дело заскакивали военные и гражданские с одинаковым тревожно-настороженным выражением лица. Причем входили все одинаково – торопливой походкой, чуть ли не бегом, а вот выходили по-разному. Кто стремительно, с воодушевленным лицом и даже с легкой решительной улыбкой, весь собранный, наполненный энергией, словно окрыленный хорошими новостями или интересными заданиями. Кто задумчиво на ходу прикидывающий решение проблемы или боевой задачи, только что поставленной для исполнения и пока не до конца ясной. Кто красный или бледный, на трясущихся, подгибающихся ногах, с испариной едкого пота и выражением трепета на лице, явно после крепкого разноса. А кто и прямиком в камеру или допросную – на его глазах бойцы дежурного комендантского взвода в сопровождении сержанта госбезопасности выволокли из кабинета Павлова какого-то майора-тыловика, безуспешно пытающегося упираться и истошно вопящего что-то про то, что он реквизирует чужие грузовики с передовой «не для себя».

Как только совещание закончилось, их пригласили в кабинет. Павлов тоже был красный, возбужденный, прохаживался туда-сюда возле открытого окна, сбрасывая нервное напряжение. Командующего 4-м воздушно-десантным корпусом полковника Казанкина он уже хорошо знал, а Левашова до этого видел всего раз, когда тот в числе прочих представлялся вновь назначенному командующему ЗОВО. Тогда знакомство прошло очень поверхностно, Павлова личность командира одной из воздушно-десантных бригад явно не интересовала, поэтому все ограничилось коротким формальным докладом. А вот сейчас комфронта смотрел на Левашова изучающе, с явным интересом, но без неприязни или высокомерия, скорее приветливо. После доклада о прибытии поздоровался, предложил обоим присесть, а сам, продолжая прогуливаться у окна, обратился к Левашову.

– Ну что, полковник, давай знакомиться поближе. Расскажи-ка для начала поподробнее о себе.

Левашов коротко изложил свою биографию. Служить и воевать он начал в 1919 году, сначала простым красноармейцем, против войск Колчака, потом, в 1920-м, был направлен служить в пешую разведку. Затем, с 1921-го по 1924 год, учеба в 5-й Киевской пехотной школе, после чего служил уже командиром, начал со взвода. Ну, а в десанте он с 1933 года, с момента формирования в Белорусском военном округе 2-го авиадесантного отряда (батальона) особого назначения. Непосредственно в воздушно-десантной бригаде служит с 1936 года, с момента ее основания (тогда это была 47-я авиадесантная бригада особого назначения). Сначала командиром батальона, а с сентября 1938-го по настоящее время – командиром бригады, которая в 1939 году была выведена из состава ВВС с передачей туда своих авиационных частей и введена в состав сухопутных войск как 214-я воздушно-десантная, с дислокацией в населенном пункте Марьино Горка. Это примерно в шестидесяти километрах к юго-востоку от Минска, рядом с железнодорожной станцией (и аэродромом) Пуховичи.

– Так, хорошо, – Павлов продышался, сел на свое место во главе стола для совещаний и открыл блокнот для записей. – И чем твоя десантная бригада по существу от обычных пехотных частей отличается? Я этим как-то раньше не особо интересовался.

– Ну, личного состава в бригаде по штату одна тысяча шестьсот восемьдесят девять человек, по факту сейчас чуть меньше, но ненамного – это по численности больше половины или даже две трети стрелкового полка довоенного штата получается. По структуре также определенное сходство имеется – тоже три батальона, а к ним в придачу подразделения различного назначения. Дальше начинаются различия, обусловленные как требованиями мобильности, так и особенностями боевого применения десантных частей.

По структуре – три десантных батальона по пятьсот человек в каждом, и каждый из этих батальонов в плане подготовки фактически отдельная боевая группа со своей специализацией по способу десантирования – парашютный, планерный и посадочно-десантный.

По средствам усиления: артиллерии меньше – 76-миллиметровых полковых пушек и 120-миллиметровых полковых минометов нет вообще, но зато вместо этого есть мотомеханизированный батальон, в нем по штату сто восемьдесят девять человек личного состава, 6 противотанковых 45-миллиметровых пушек, 18 батальонных (82-миллиметровых) минометов, а также малые плавающие танки Т-37А, Т-38 и Т-40, общим количеством 24 машины, и 9 легких пулеметных бронеавтомобилей БА-20.

По стрелковому вооружению: отличие в том, что у нас в десантных батальонах в полтора-два раза больше ручных пулеметов и значительно больше, чем в пехоте, доля автоматического оружия под пистолетный патрон. Есть даже, помимо ППД-40, новейшие автоматы ППШ, их только перед самой войной массово выпускать стали и десант в первую очередь обеспечили. У остальных, кто от боя чуть подальше, – только самозарядные винтовки, они при должном уходе и правильном обращении хороши и плотность огня гораздо выше «мосинок» дают. Есть немного автоматических винтовок Симонова АВС-36 – примерно по две-три на отделение. Они при грамотном использовании тот же ручной пулемет, только полегче намного и с магазином поменьше, а за счет этого десанту для скоротечного боя ох как сподручными оказались. Ну, и винтовочно-гранатометные комплексы конструкции Дьяконова имеются, для стрельбы осколочными гранатами по живой силе и для подавления огневых точек противника. Это обычная трехлинейка и к ней гранатомет-мортирка, который крепится на стволе, стреляет 40-миллиметровой ружейной осколочной гранатой Дьяконова образца 1930 года. Комплекс этот конструктивно имеет определенные слабые стороны, но для повышения плотности огня в условиях отсутствия тяжелого вооружения существенный эффект дает. В пехоте такие гранатометные комплексы по одному на каждый взвод полагаются, а у нас на каждое отделение есть.

Еще – помимо 50-миллиметровых ротных минометов – у моих десантников на вооружении есть 37-миллиметровые минометы-лопаты образца 1939 года, тоже по одному миномету на каждое отделение. Эти минометы хоть и с недостатками – прицеливание на глазок, малая дальность, слабая мина, поэтому их выпуск уже прекращен и в стрелковых частях их полностью изъяли на склады, – но моим ребятушкам они в самый раз: малый вес, мобильность и неплохие результаты при массированном применении.

Что касается транспорта: у нас больше автомобилей (32 против 19) и есть мотоциклы, но совсем нет лошадей, ни верховых, ни ездовых, а их в стрелковом полку более пятисот, и это у них основной транспорт. Так что наши автомобили – это так, капля в море, основной транспорт десанта – самолеты, придаваемые из состава специальных десантно-бомбардировочных авиаполков.

Но все эти отличия, товарищ генерал армии, это не главное. Главное отличие десанта от обычных пехотных частей – это, конечно же, в первую очередь люди и их подготовка. Вот взять костяк бригады – младший и средний командно-начальствующий состав. Практически все сержанты-сверхсрочники, многие службу по призыву еще в 47-й адброн начинали, да так в десанте и остались. Подготовка на уровне – почти все значкисты ГТО, больше половины «Ворошиловского стрелка» имеют, у многих спортивные разряды по самбо, боксу или борьбе. В командном звене взвод-рота многие командиры тоже в десанте служат еще с 1932 года, с момента основания в Ленинградском военном округе первой авиадесантной бригады, где их на инструкторов по воздушно-десантной подготовке готовили. Есть такие, что уже до сотни прыжков с парашютом совершили, в том числе в особых условиях: ночные, затяжные, групповые. А еще немаловажный момент – почитай, все сержанты и командиры с боевым опытом. Наша бригада ведь в советско-финской войне участвовала и неплохо себя там проявила.

Что касается рядовых бойцов – они у меня тоже особого отбора. В десант ведь до войны никого силой не тащили – все равно толку никакого не будет, – а только тех, кто хотел и еще на гражданке к этой трудной службе готовился. То есть помимо спортивных разрядов и значка ГТО еще и в Осоавиахиме не один год занимались, парашютную подготовку освоили, не менее трех прыжков совершили. А Осоавиахим, сами знаете, товарищ генерал армии, это подготовка основательная и разноплановая. Это тебе не только прыжки с парашютом, но и радиодело, и авто-мотодело, стрелковая подготовка сильная опять же... Да если еще потом к этой подготовке уже у нас, в десанте, своя, особая, физическая и боевая подготовка приложится...

Вот, к примеру, у меня в бригаде нет выделенных подразделений связи, разведки и сапёров, как в пехоте, – у меня каждый десантник, помимо того, что хороший стрелок, сам по себе и разведчик, и немного подрывник, да и медицинскую подготовку имеет. А в каждом отделении минимум два бойца радиодело знают и на радиии работать могут.

Или взять наш механизированный батальон – его подготовка тоже от обычных артиллерийских и броневых частей отличается. У нас в десанте ведь особо возиться некогда, бывают такие задачи, что с неба и сразу в бой, поэтому и артиллерия наша с минометами, и бронетехника готовились к максимально быстрому развертыванию и нанесению огневого удара, а еще к быстрому маневру и взаимодействию как между собой, так и с бойцами десантных подразделений. Так что многие бойцы, случись что, и технику водить смогут, и с минометом разберутся...

– Гм, да... – протянул Павлов, закончив делать пометки в блокноте и задумчиво постукивая пальцем по столу.

Он раньше оценивал роль и возможности десантных частей как-то... поверхностно, что ли. Ну да, знал, что они есть. Знал, что их готовят для боев и диверсий в тылу противника. Но считал десантников скорее дополнением к действиям механизированных соединений, чем грозной боевой силой. Ну, выбросят их в тыл врага, ну, пошумят они там, шороху наведут, но это и все. Вот его любимые танки – это да! Это скорость, маневр, броня, огонь! Это мощь и сила, способная прорвать любую оборону и победить в открытом бою любого врага! А десант,

даже со своими средствами усиления в виде артиллерии, минометов и совсем легкой брони, – это так, для отвлечения внимания...

Так он думал раньше, до войны. А потом началась война – и все пошло совсем не так. Где теперь эти танки?.. Нет, танкисты молодцы и дерутся отчаянно, но только обстановку это не спасает... Часть танков уничтожена противником, часть просто сломалась, еще до боя, а часть брошена при отступлении без горючего... В результате не прошло и недели боев, а немецкие танки уже под Минском. Со дня на день они могут прорвать оборону, и тогда в городе начнутся уличные бои, где нашим войскам нужны будут уже не танки, которых и так почти нет, а такие вот – самостоятельные, отлично подготовленные бойцы, способные вести бой за линией фронта и малыми группами. Они в этом деле всяко лучше обычной пехоты будут... Особо, если к их подготовке и умениям кое-какие средства и идеи из присланных Хацкилевичем материалов добавить...

Полковник Левашов, наблюдая задумчивость командующего фронтом, но не усматривая в его задумчивости особого раздражения, набрался смелости спросить о важном для своих бойцов.

– Товарищ генерал армии, а куда нас теперь, в смысле бригаду мою куда? Был слух, что в пехоту нас отправят?

– Что, полковник, не хочешь в пехоту, на передовую? – с легкой ехидцей переспросил Павлов.

– Дело не в этом, товарищ генерал армии, – глядя тому прямо в глаза, твердо произнес Левашов. – И я, и мои бойцы готовы хоть сейчас в бой, и воевать будем там, где Родина прикажет. А мои бойцы и в пехоте, на переднем крае, себя отлично покажут, будьте уверены, я за это ручаюсь. Вот только жалко будет, если мои орлы там все, чему их учили, применить не смогут, всю свою штурмовую и разведывательно-диверсионную подготовку проявить...

– Штурмовую и разведывательно-диверсионную подготовку, говоришь, – раздумчиво протянул Павлов, немного помолчал и обратился уже к полковнику Казанкину: – А что, полковник, остальные воздушно-десантные бригады в твоём корпусе такую же хорошую подготовку имеют?

Комкор покосился на Левашова, тяжело вздохнул и с сожалением ответил:

– Нет, товарищ генерал армии, остальные две бригады корпуса значительно слабее в плане подготовки будут, а в плане боевого опыта – так вообще никакие. Это ведь только 214-я бригада у нас в корпусе изначально десантная и в боевых действиях поучаствовать успела. И именно на ее основе, собственно, весь наш корпус весной 1941 года развернули. Соответственно, и две остальные бригады, 7-я и 8-я, – они только весной этого года были сформированы, и обе на основе обычных стрелковых дивизий, которые, в свою очередь, тоже были совсем недавно созданы. Какая уж тут подготовка и боевой опыт. Конечно, при формировании новых бригад некоторая часть военнослужащих из состава 214-й вдбр была переведена туда в качестве инструкторов, поэтому кое-какую подготовку за эти пару месяцев они получили, но по сравнению с 214-й бригадой... небо и земля...

Павлов махнул рукой – сидите, мол, – а сам снова встал и подошел к окну, о чем-то основательно задумавшись. Постоял так несколько минут, словно окончательно что-то для себя решая, а потом вернулся за стол и озвучил свое решение:

– Ну, значит, слушайте, товарищи командиры, что я решил и как оно с вашим воздушно-десантным корпусом дальше будет. Твоим орлам, полковник, – обращаясь к Левашову, – действительно нечего в пехоте, да еще в обороне, зря штаны просиживать – пусть своим основным делом занимаются. Они же у тебя для боев и диверсий в тылу врага готовились? Вот пусть в тылу врага и повоюют, подготовку свою покажут. Если конкретнее – твоя десантная бригада вместе с приданной боевой техникой и средствами усиления как можно скорее – максимум сутки – должна быть переброшена за линию фронта, под Белосток, в распоряже-

ние генерал-майора Хацкилевича. Он там сейчас отступающие от границы войска собирает и оборонительный укрепрайон в тылу врага организует. Ну, и для действий в тылу врага, за линией своей обороны, просил у меня твою бригаду. Заметь себе, полковник, не просто десантников, а именно твою бригаду – уж откуда он узнал об особой подготовке и боевом опыте твоих бойцов, ума не приложу, видать, кто-то, хорошо знающий тебя и твоих орлов, вовремя подсказал. Да и я теперь, после твоего рассказа, тоже думаю, что десантники твои там несравненно больше пользы принесут, чем здесь, в пехоте.

И увидев, как засияло лицо Левашова, командующий фронтом тут же его немного остудил:

– Но учти – перед сменой места дислокации выделишь часть своих бойцов и младших командиров из числа наиболее подготовленных, общим числом до ста человек, в распоряжение полковника Казанкина, а свою бригаду до штатной численности пополнишь курсантами из Пуховичского пехотного училища – оно как раз рядом с твоей бригадой расположено. Они хоть и не твои десантники по подготовке, но и не рядовые первогодки из пехоты... А дальше уже сам подучишь.

Теперь ты, полковник, – это уже к Казанкину. – Примешь от Левашова сержантов и бойцов как инструкторов и командиров малых боевых групп в оставшиеся у тебя бригады. Сами группы сформировать не медля, и особый упор в их подготовке необходимо сделать на ведение уличных боев, после совещания получишь у меня кое-какие методические материалы на эту тему, так сказать, последние разработки. Думаю, пара-тройка дней, а может, даже и неделя, у тебя есть, так что постарайся. А потом, если немцы все же нашу оборону прорвут и в Минск войдут, эти малые боевые группы мне здесь нужны будут.

Остальной личный состав бригад продолжай усиленно натаскивать по вашей программе разведывательной и диверсионной подготовки – у них сейчас пусть и «кое-какая подготовка», но это все же лучше, чем вообще никакой. И вот еще что – забирай-ка ты себе всех оставшихся курсантов первого-второго курсов Пуховичского пехотного училища, у них уже тоже «кое-какая подготовка» имеется, все не рядовые первогодки из пехоты, что иногда даже стрелять еще толком не умеют. Поэтому забирай и натаскивай их пока на младших командиров уровня замкомвзвода десанта, а там, как в бою себя покажут, глядишь, и дальше пойдут. Ну, и организация переброски 214-й бригады тоже на тебе, отвечаешь лично...

Выйдя от командующего, полковник Левашов пребывал в восторге – мало того что его ребятшек не в пехоту, а именно по военной специальности задействуют, так еще и в тыл врага перебрасывают, как учили, всей бригадой, со средствами усиления. Ну, фашисты, держитесь теперь! В таком состоянии он вернулся в расположение бригады и с энтузиазмом взялся за подготовку к передислокации. Однако ближе к вечеру его энтузиазм и радость изрядно потускнели, а моментами он даже подумывал было с отчаянием, что не справится, что невозможно с этим справиться всего за сутки. Потому что перебросить к новому месту дислокации любую крупную воинскую часть, вроде полка или бригады, – это очень сложно и хлопотно само по себе, даже в мирное время. И намного труднее и хлопотнее в военное время, в условиях неизбежного нарушения территориальной системы управления, связи и транспортного обеспечения. А уж перебросить воздушно-десантную бригаду по воздуху, в военное время, в условиях господства немецкой авиации... и в условиях сильной нехватки собственной транспортной авиации, точнее в условиях полного отсутствия авиации именно специальной, военно-транспортной, да еще и за столь малый промежуток времени, – это было настолько сложно и трудно, что временами представлялось невыполнимым.

Начать с того, что, кроме как на тихоходных тяжелых бомбардировщиках ТБ-3, частью переделанных в военно-транспортный вариант, а частью так и оставшихся именно бомбардировщиками с относительной возможностью напихать в них не так уж и много людей или грузов, больше переброску проводить просто-напросто не на чем. Все потому, что Советский Союз,

будучи родоначальником воздушно-десантных войск, до самой войны так и не имел специализированной авиационной техники (кроме планеров) как для массовой выброски десанта парашютным или посадочно-десантным способом, так и для переброски десантных частей со всем своим имуществом. Да и планеры – маломестные, без возможности транспортировки средств усиления и все равно требующие самолетов для буксировки – годились скорее для эффектных показух на маневрах или только для выброски в тыл малых групп со стрелковым вооружением.

Поэтому – только ТБ-3. А эти тихоходные старички мало того что при значительной общей грузоподъемности имеют низкую именно пассажирскую вместимость, так еще и днем, в условиях господства в воздухе немецких истребителей, есть не что иное, как просто большие мишени, которые смогут долететь до места назначения только в том случае, если у немецких летчиков закончился боекомплект.

Отсюда следует, что переброска возможна только ночью, и этот вариант вроде как хорош еще и тем, что ТБ-3 штатно проектировались для ночных полетов (и ночного бомбометания) и оснащены для этого всем необходимым оборудованием, а их экипажи имеют соответствующую подготовку и немалый опыт ночных полетов. Но тут новая сложность – почти никто из летчиков 326-го десбап, дислоцированного рядом, на аэродроме Пуховичи, и с кровью оторванного от бомбежек для переброски бригады под Белосток, на тамошних аэродромах не был, особенностей взлетно-посадочных полос и ориентиров окружающей местности не знает. Нет, летают-то они хорошо, могут даже без привязки к наземным ориентирам, по приборам или по радиолучу, так что долетят, это не вопрос. Но вот как будут садиться – ночью, на незнакомую полосу, битком набитые десантниками, да еще и с грузом на подвеске?! К тому же и сами аэродромы – это тебе не гладкая и ухоженная бетонная взлетно-посадочная полоса, а перепаханная вражескими бомбами грунтовая полоса отнюдь не в идеальном состоянии...

Хорошо еще, что командующий Белостокским укрепрайоном генерал Хацкилевич оказался нормальным военным, без дурного начальственного гонора, без спеси и тупого чванства в стиле «делай, как я сказал!». Даром что танкист, а к проблемам переброски бригады отнесся со всем вниманием – не только собрал и сконцентрировал на оговоренном аэродроме уцелевший состав подразделений аэродромного обслуживания, но и выделил дополнительно в помощь людей, транспорт, быстро решил организационные вопросы размещения прибывающих десантников. Да и вообще, отнесся как к родному – полковник не ожидал такого доброжелательного отношения, и это слегка даже настораживало...

В общем, всем миром, но особенно благодаря героизму и самопожертвованию летчиков, которые всю эту короткую летнюю ночь трудились на пределе сил, справились! Десантников набивали в самолеты, как селедку в бочки, – в крыльевые ниши, в бомбоотсеки, проходы и пулеметные кабины, для экономии места с собой они брали только личное оружие, все остальное – под фюзеляжем, с использованием специальных подвесок конструкции инженера Гроховского, дай бог ему здоровья. Там же, под брюхом, между колесами, транспортировали штатную артиллерию и легкую бронетехнику бригады, а еще мотоциклы, боеприпасы, топливо, снаряжение и все остальное имущество, которого, после того как в суматохе передислокации выгребли склады, оказалось неожиданно много. В дальних закоулках нашлись даже несколько динамореактивных безоткатных 76-миллиметровых пушек Курчевского на колесном ходу, разработанных в 1930-х годах специально для применения в десантных войсках, и запас снарядов к ним. Их тоже взяли, а вот пулеметные броневики БА-20 Левашов, по согласованию с Хацкилевичем, решил с собой не брать. Они хоть и легче тех же Т-37 и Т-38, но по силуэту значительно выше, за счет этого пристраивать их на внешнюю подвеску под фюзеляж – тот еще геморрой, а предварительно снимать и ставить потом пулеметные башни – оно того не стоит. Да и гусеничные плавающие машины в тех краях однозначно лучше будут. Поэтому броневики оставили, а взамен догрузили взрывчатку и гранаты – вот они уж точно лишними никогда не будут.

Левашов летел крайним самолетом – он, как и все покорители воздушной стихии, категорически избегал слова «последний». А до вылета всю ночь провел на аэродроме, в диком нервном напряжении, организовывая и утрясая, решая внезапно возникающие вопросы и проблемы, с каждым отправленным самолетом боясь услышать, что не долетел, и всеми силами заглушая в себе этот страх за своих ребят. И вот теперь он долетел крайним рейсом, и все его ребяташки и летчики долетели, и теперь все хорошо, и сердце отпустило. А дальше... дальше будет привычная боевая работа, рейды и диверсии в тылу врага – то, к чему так долго готовился он сам и готовил своих орлов. Ну, фашистские гадины, держитесь теперь за свои штаны – десант атакует!

Глава 1

Сергей, подстелив плащ-палатку прямо на утрамбованную землю поселковой площади, в состоянии комфортной расслабленности – «жизнь-то налаживается» – сидел возле трофейного пушечного бронетранспортера, привалившись спиной к его переднему колесу и устремив полузакрытые глаза в ярко-синее небо без единого облачка. Рядом была удобная тенистая скамейка, на которую при желании можно было даже прилечь, но ему сейчас почему-то хотелось именно так – сидеть, опираясь о нагретую палящим полуденным солнцем броню. А еще – вдыхать неповторимый букет из запахов бензина, масла и сгоревшего пороха от горячего, славно потрудившегося совсем недавно пулемета, при этом лениво перекатывая в голове мысли и эмоции после только что закончившегося боя.

Совсем уже скоро ему предстоит снова окунуться в обычные послебоевые хлопоты, в нынешней ситуации еще и осложненные вероятностью скорого появления противника, причем в неизвестном количестве. И значит, снова нужно будет распределять задачи, принимать быстрые и желательно наиболее эффективные решения по множеству вопросов, носиться в бешеном темпе туда-сюда, проверяя и контролируя. Ведь только что закончившийся бой – это первичная и самая, пожалуй, легкая часть операции по уничтожению противника и захвату трофеев. Теперь предстоит гораздо более трудоемкая фаза – эти трофеи сохранить, интегрировать в общие боевые построения отряда, да еще и придумать, как использовать их с наибольшей результативностью.

Ну а сейчас, пока кавалеристы капитана Сотникова, прекратив свои недавние выкрутасы в казачьей джигитовке, уже спокойно и вполне грамотно обеспечивают охрану периметра, в то время как бойцы атакующих групп с автоматическим оружием тщательно прочесывают весь поселок на предмет поиска возможно спрятавшихся где-нибудь особенно храбрых представителей немецкой армии, у него есть несколько свободных минут, чтобы расслабиться и неспешно упорядочить в голове свои ощущения и оценки событий по итогам боя, а заодно прикинуть задачи на ближайшее будущее.

Итак, собственно бой. Первый серьезный бой его первого подразделения в этой реальности. Несмотря на некоторые, глубоко запрятанные Сергеем опасения возможных ощутимых потерь – ведь тактики боевых групп или звеньев его бойцы пока не знали, одно поспешно проведенное вчерашней ночью занятие по тактике штурма помещений звеньями не в счет, – и захват бронетехники, и последующая атака поселка прошли почти в полном соответствии с планом. Захват техники – вообще отлично, замечаний нет. Действия атакующих групп – вот тут были те самые опасения, потому что для успешности действия таких групп необходимы и серьезное обучение, и многократные тренировки. Но в целом его бойцы справились без особых ляпов и самое главное – сумели выполнить боевую задачу без невозвратных потерь. Может быть, им в этом помогли напор и боевой азарт, а может, еще и то, что немцы совсем уж неприлично расслабились и не ожидали атаки, да еще такой яростной и настолько насыщенной огнем автоматического оружия. Как бы там ни было, действия атакующих групп, с учетом трех легкораненых и двух средней тяжести, вполне можно оценить на «хорошо».

Вот кавалерия... кавалерия, конечно, поставленные ей боевые задачи в целом тоже выполнила, но с определенными непредвиденными отступлениями от плана атаки, повлекшими за собой неоправданные потери. Ну не смогли лихие красные конники удержаться в рамках поставленных задач, под конец боя забыли про осторожность и начали демонстрировать свою удалость. А может, лихие рубаки попутно выплескивали на так кстати подвернувшихся врагов свои нервы и злобу, распиравшие их после злополучных боев начала войны. Как следствие, три кавалериста погибли, а еще пятеро ранены, хорошо хоть тяжелых нет, а то намучились бы сейчас с ними... с учетом таких потерь, оценить действия кавалерии даже как удовлетво-

рительные можно лишь с большой натяжкой. Понимает это и «главный кавалерист», капитан Сотников, который сейчас в противоположном углу площади, подальше от Сергея, весь красный и с выпученными от гнева глазами, но стараясь при этом все же сдерживать громкость голоса, яростно воспитывает свой младший командный состав, используя для этого отнюдь не благопристойный литературный язык. Ну, а раз понимает и уже сам занялся воспитательными процедурами, особо ругать кавалерию, пожалуй, не стоит. Тем более что их экспрессивные выходки, судя по ужасу в глазах пленных немцев, отразились на психике последних весьма трагическим образом.

Причем особенно драматически радикальное расширение рамок осознания реальности непобедимых арийских сверхчеловеков произошло у дежурного радиста. Будучи в самом начале захвата техники легко оглушен, а затем связан и выброшен из кузова бронетранспортера на землю под ним, чтобы не путался под ногами пулеметчиков, он потом, в процессе штурма, очнулся и смог посмотреть представление с кавалерий, что называется, от начала до конца, к тому же из партера. Теперь радист, которого после боя за шиворот, как мешок картошки, перетащили в угол площади поближе к остальным пленным и там прислонили к невысокому забору, всем телом судорожно тряся мелкой дрожью, искательно заглядывал в глаза стоящей неподалеку охране и все время что-то бормотал по-немецки, очень часто употребляя слово «камраден». К тому же, судя по мокрому пятну на штанах, радист, в процессе его волочения к остальным пленным, похоже, попутно реализовал насущные потребности своего организма в избавлении от излишней жидкости. Хорошо хоть, на этом и остановился, а то потом допрашивать его было бы совсем некомфортно.

Подводя итоги, можно констатировать, что бой, в общем и целом, прошел успешно, поставленные перед боем задачи выполнены в полном объеме, боевые потери для первого раза находятся в допустимых пределах. Основное, ради чего все и затевалось, – у отряда добавилось мощной, высокопроходимой, маневренной и очень неслабо по нынешним временам вооруженной бронетехники, которая значительно усилит его боевые возможности. Пожалуй, в таких условиях наступает пора уже и «попрогрессорствовать» немного, в первую очередь в плане организации эффективного боевого применения боевой техники, как нашей, так и немецкой, а также обучения личного состава с этой техникой правильно взаимодействовать. Ну, и потихоньку саму технику начинать апгрейдить...

Теперь мысли на ближайшую перспективу...

«Первым делом технику трофейную с площади, а лучше вообще из поселка, надо поскорее убирать – в случае если сейчас еще немцы подойдут и новый бой завяжется, она там ни к селу ни к городу. Да и с воздуха слишком заметна, если противник в ходе боя авиацию вызвать успеет – тогда моим новым красивым и очень полезным трофеям полный п... в общем, уничтожат с воздуха мои трофеи. И самому поселку изрядно достанется при бомбежке... Зачем немцы вообще бронетранспортеры в поселок загнали, да еще и выставили их так глупо на площади, до сих пор понять не могу. Наверное, решили, что война на сегодня уже закончена и противника в ближайшей округе больше не осталось, а тут мы – “сюрприз-з-з-з!”... Ладно, эта задача Гаврилову, пусть броню пока гонит в дубраву, к остальной колонне, и там маскирует... и пусть сразу привлекает к этому делу пленных водителей – зря, что ли, их в живых оставили...

Трофеи эти опять же... нет, техника нам, конечно, досталась очень хорошая, это не вопрос. Вопрос – откуда она тут вообще взялась?.. Не должно здесь и сейчас такой техники быть – все бронетранспортеры на первом этапе войны были сосредоточены в танковых и механизированных дивизиях, которые сейчас своими маневренными клиньями прорыва от Гродно и Бреста сошлись под Минском, блицкриг там реализуют!.. Впрочем, это наверняка прояснится в ходе допросов пленных фашистов, но вот, кстати, что касается именно этих короткобазных боевых машин – теперь однозначно и совершенно определенно мне ясно, что я сейчас не в прошлом моей реальности, а именно в реальности параллельной. Потому что в моем вари-

анте истории такие вот двести пятидесятые “Ханомаги”, то есть легкие полугусеничные бронетранспортеры с укороченным десантным отделением, у немцев в войсках массово появились только к концу 1941 года, а конкретно вот эта модификация, с 75-миллиметровой танковой пушкой, вообще поступила на вооружение где-то уже в 1943-м...

И вот еще насчет воздуха – за воздухом надо бы повнимательнее наблюдать, а то как бы не вляпаться в большие неприятности. То, что мы тут уже вон сколько времени катаемся, а немецкая авиация ни перемещение отряда, ни только что закончившийся бой до сих пор не обнаружила, – это, как говорится, не наша заслуга, а их недоработка. Или, скорее, наше большое везение, а оно ведь рано или поздно неизбежно закончится. Отсюда вывод – режим маскировки и наблюдение за воздухом усилить, все зенитные средства в постоянную готовность к отражению воздушной атаки, благо у нас их теперь, с учетом кормовых пулеметов новых трофейных БТР, очень прилично. Это, пожалуй, я поручу организовать Игорю Петрову.

С остальными трофеями пусть старшина Авдеев разбирается, тут я ему под руку лезть не буду. Надо только не забыть напомнить, чтобы и немецкую форму, которая не сильно повреждена и не сильно в крови, с трупов тоже снимали, может, потом для чего и пригодится. И чтобы документы обязательно у всех убитых собрали... а еще чтобы самих убитых из поселка поскорее убрали, пока трупы на этой жаре разлагаться не начали...

Поселок этот еще, теперь лишняя головная боль... вот уж воистину не было у бабы забот, так купила баба порося. С поселком, и особенно с его жителями, прямо как в том анекдоте, неудобно может получиться. Потому что в процессе азартного вождения немецкой бронетехники, а также с целью пресечения бесчинств арийских супергероев, поселок и его население мы у немцев лихо отбили, это да, это хорошо и это нам плюсики в карму. Но вот теперь и думай, что с этим поселком и его населением дальше делать. Пожелать всего хорошего и чтоб держались там, оставить людей на произвол судьбы и идти дальше по своим делам? Так ведь немцы, как только его снова займут и прознают, что в этом поселке их боевых товарищей побили – а прознают они однозначно, потому что абсолютно все следы только что прошедшего боя уничтожить просто невозможно, – тогда поселку тут же и абздец наступит полный. Фашисты тут все сожгут однозначно, причем вместе с населением, и при этом населению еще сильно повезет, если его, это население, немцы убьют до того, как сожгут, а то ведь могут и заживо, были прецеденты...

Тогда что – брать поселок и его население под охрану и оборону?.. Пожалуй, все же придется, а иначе скотство получится, из-за таких вот подстав в стиле “немца убили и убежали, а местным потом отдувайся” многие местные жители на временно оккупированных территориях потом нашу армию сильно не любили и с немецкой администрацией сотрудничали... Да и белорусы – это тебе не всякие разные “петлюровцы”, “бандеровцы” и прочие “натерпевшиеся от москалей”, они реально братский народ, который всегда и во всем вместе с нами был. Тогда нужно продумывать и как-нибудь увязывать с нашими планами еще и этот вопрос.

Впрочем, если все сложится так, как оно сейчас выстраивается, и если все мои задумки удастся успешно реализовать, то линия обороны, пожалуй, может пройти и так, что этот поселок вообще в нашем тылу окажется. Но про это сейчас рассуждать еще рано, тут все будет зависеть от численности и диспозиции немецких войск в окрестностях Суховоли, а это, в свою очередь, станет ясно только по результатам разведки...

С местным населением, кстати, в любом случае работу надо будет провести, разъяснить текущий момент и дальнейшие возможные перспективы. А заодно узнать, когда и кто тут проезжал, проходил, проползал. И еще – что и где тут поблизости было брошено, спрятано, а может, и кто живой спрятался. Детишек на эту тему порасспрашивать... обязательно разузнать про местные дорожки и тропинки, которых на картах нет. Официальная часть, политинформация и доведение текущего положения на фронтах – это, пожалуй, к Трофимову. А вот насчет расспросить и разузнать про всякие спрятанные полезности – тут лучше Пал Егорыча никто не

справится. Ну, а быстро и качественно пошарить потом по окрестностям, отыскивая указанные места – это пускай Сотников со своими буйными и недисциплинированными архаровцами реабилитируется...

Но вот тащить сюда все, что по округе найдем, наверное, не стоит, иначе погрозим в имуществе, отяжелеем и потеряем маневренность. Значит, искать все подряд, но брать и тащить к поселку только то, что нам нужно сейчас для выполнения задачи рейда. А остальное – учесть, отметить местоположение, при необходимости дополнительно замаскировать и оставить на будущее для эвакуационных команд...

Теперь – что именно из найденного нам будет нужно? Ну, начну, пожалуй, по нарастающей.

Все легкое стрелковое оружие, а также все пулеметы, в том числе станковые и крупнокалиберные, минометы всех калибров, противотанковую артиллерию – собираем и берем с собой обязательно. Полковые пушки, если найдем, тоже. Все это вооружение не особо тяжелое и габаритное на чем везти и чем буксировать имеем, а дополнительная огневая мощь еще никогда никому не мешала. Всю остальную артиллерию не берем, она нам сейчас не нужна, а на ногах повиснет гирей.

Броневики – их тоже берем все. Учитывая, что в ближайшее время планируются в основном боевые операции с использованием дорог, а также то, что все наши броневики по мотору, трансмиссии и ходовой – те же автомобили, они нам в любом количестве не помешают.

Танки... вот тут надо смотреть, какие именно танки. Все танкетки, все малые, а в особенности плавающие танки типа Т-37, Т-38 и, конечно же, Т-40 берем однозначно. Разведка, связь, боевое охранение, легкие диверсии, да та же буксировка – везде им применение найдется. А вот все остальные танки – легкие, типа Т-26 и БТ всех модификаций, средние Т-34 и Т-28, тяжелые КВ – все это нам вот конкретно сейчас не нужно, поэтому пусть пока постоят.

Транспорт тоже не весь нам сейчас потребен будет... легковушки, например, отряду сейчас только для лишнего форсу, поэтому в любом техническом состоянии пока не нужны. Вот грузовики – это да, грузовики берем все, причем даже требующие сильного ремонта – если после освобождения пленных еще одна моя идея выгорит, грузовики нам очень понадобятся.

Тракторы, они же тягачи для артиллерии и всего остального, что в Красной армии предполагалось тягать. Здесь тоже надо смотреть, какие именно тракторы и какие тягачи. Все обычные тракторы, хоть колесные, хоть гусеничные, которые без переделок попали в армию прямо из народного хозяйства по мобилизации, нам однозначно не подойдут ввиду тихоходности и принципиальной непригодности к использованию в условиях боевых действий. Есть еще отдельная категория специализированных гусеничных тракторов и артиллерийских тягачей, разработанных специально для армии. Это тяжелый тягач “Коминтерн” и его более современный аналог “Ворошиловец”, средние транспортные тракторы СТЗ-5 и С-2 “Сталинец”, а также легкий гусеничный бронированный артиллерийский тягач Т-20 “Комсомолец”. Тяжелые и средние тягачи нашему отряду тоже пока без надобности, хотя машины в принципе хорошие и, безусловно, очень полезные. А вот легкий артиллерийский тягач “Комсомолец” – это Вещь с большой буквы, и вот он нам однозначно будет потребен в любом количестве. Очень удачная машина, изначально спроектированная для выполнения множества задач, от буксировки легкой артиллерии и перевозки грузов, личного состава по бездорожью до эвакуации раненых прямо с поля боя. Их в моем времени еще партизаны очень любили использовать, потому что очень проходимы они были по лесным дорогам и малые габариты имели. А еще эти машинки простые и неприхотливые в эксплуатации, несложные в ремонте, сделаны на базе автомобильных агрегатов, поэтому с запчастями проблем не будет... вот их бы собирать, да побольше, побольше...

С найденышами тоже не все просто вырисовывается. Ведь среди отступающих в беспорядке советских войск сейчас имеется в наличии изрядное количество немецких шпионов

из их фронтовой разведки. И наверняка в общей массе народа, что сейчас конкретно возле этого поселка прячется по лесам, сколько-то агентов абвера обязательно затесалось. Это проблема, которая в наших условиях – дефицита времени и ограниченности в способах проверки – эффективного решения не имеет в принципе. Ну, конечно, кроме как не брать вообще никого. А это решение мало того что непродуктивное для целей сбора людских ресурсов, так еще и вредное, поскольку немецкие шпионы там отираются не просто так, а с целью скорейшего истребления этих самых людских ресурсов путем наведения на них своей авиации и прочих средств уничтожения... Поэтому найденных по лесам и кустам бедолаг мы собирать все равно будем, но дальнейшие боевые действия надо строить с учетом возможного наличия среди них вражеских глаз и ушей. Лишняя головная боль, конечно, но тут ничего не поделаешь. В связи с этим надо будет предупредить Трофимова об усилении режимных мероприятий и отдельно проинструктировать Сотникова...

И вот теперь, рассматривая все это совместно, в комплексе: необходимость сбора найденнейшей, но при этом создания для них временного карантина для проведения контрразведывательных мероприятий; необходимость сбора техники и вооружения, но при этом выбора места, где часть ее можно и нужно будет временно оставить; а еще необходимость оставить раненых и часть уже имеющегося, но не нужного в ближайшее время обвеса... – пожалуй, наиболее простым и эффективным решением всех этих задач будет организация некой временной промежуточной базы, причем базу можно устроить как раз здесь, в этом самом поселке...

А что, мысль и в самом деле очень интересная. Тогда, помимо уже перечисленных задач, здесь же можно будет развернуть временный медицинский пункт для раненых и больных, а также небольшой такой пункт тылового обеспечения нашего мобильного отряда боеприпасами и прочими расходуемыми ресурсами. Отсюда же можно будет организовать дальнюю разведку окрестностей... Ну, а местное население, думаю, нашу помощь и наше присутствие с большим энтузиазмом воспримет, особенно после сегодняшнего, и активно помогать будет... Нет, обязательно потом, после разведки и уточнения обстановки вокруг поселка, эту идею нужно будет с Трофимовым проговорить...

А еще, как только разведка вернется и все окончательно прояснится, обязательно надо будет с ним наши перспективы и дальнейшие действия обсудить, насчет пленных и Суховоли, а то прямо неудобно получается, будто я его втемную использую. Оно, конечно, это совсем не так, и раньше только мысли да хотелки были, а все окончательно только сейчас и здесь сложилось, после атаки поселка и захвата трофеев, но особист все равно меня неправильно понять может, обидится еще, поэтому надо будет аккуратно разъяснить...»

– Ну, как говорится, вот так вот, значит, вот в таком вот разрезе и будем действовать, – чуть пародируя Аркадия Райкина, пробормотал себе под нос Сергей, довольный своими мыслями и прикидками. – Ладно, вроде все первичные общие задачи и порядок действий по их решению определены, поэтому хватит, пожалуй, дышать воздухом и любоваться солнцем – пора и делами заняться. Сейчас соберу командный состав, доведу задачи... И что там у меня самого на повестке дня первым вопросом? Правильно – информация и источники ее получения. Где там наши источники?!

Ближайшими источниками информации, на расстоянии всего-то встать и с широким шагом пнуть ногой, были две раненые и добротные связанные пленные тушки, которые все время, пока санитары занимались сначала своими ранеными, потом найденными в кузове бронетранспортера избитыми танкистами, а потом уже пленными врагами, пачкали землю своей кровью и генерировали голосовые сообщения.

Одна из тушек принадлежала немецкому лейтенанту, которого Сергей аккуратно ранил в оба плеча, когда тот выскочил из дома, где отдыхал, в расстегнутом кителе и с пистолетом на изготовку. Лейтенант, надо отдать ему должное, даром что фашист и сволочь, но воякой оказался храбрым и упорным – будучи ранен единожды, он перехватил пистолет в левую руку

и попытался все же принять бой. Не преуспел и в результате только добавил себе в организм вторую пулю. Но даже и после этого, сейчас, будучи связан и потихоньку истекая кровью в ожидании своей очереди на медпомощь, немец всеми силами старался сдерживать стоны и, с ненавистью оглядываясь вокруг, только тихо сыпал ругательствами на языке своей родины.

А вот вторая пленная тушка, которая с успехом обеспечивала громкость звукового фона за обоих, принадлежала тому самому угодливому немецкому пособнику в польской конфедератке, который сейчас был красочной иллюстрацией смысла философского выражения «от судьбы не уйдешь». Он, в качестве переводчика широкого профиля (немецкий, русский, белорусский и свой родной польский), постоянно отирался возле немецкого офицера, выслуживаясь и пресмыкаясь намного искуснее приснопамятного шакала из мультика про Маугли. Он же, пока господин лейтенант оценивал комфортность тенистой скамейки на площади, угрозами выдавил из старосты поселка праздничный обед с последующей баней и красивыми девушками в ней «для пана офицера», втайне надеясь попользоваться и обедом, и девушками после пана офицера. Но когда в поселке началась яростная стрельба и послышалось столь ненавистное ему лично русское «ура», этот недостойный выродец польского народа жо... спинным мозгом почувствовал, что обстановка кардинально изменилась и вместо вкусной еды сейчас будут раздавать невкусные трындюли... В общем, ничего хорошего ни лично для него, ни для его новых хозяев уже не предвидится. Однако вслед за немецким лейтенантом воевать не побежал – не та оказалась порода, вместо этого кинулся прятаться в доме старосты, на чердаке. А когда бой закончился для его новых хозяев неудачно и «кляти москали» стали тщательно проверять все дома, постройки, кусты и закоулки в поисках таких вот спрятавшихся героев-завоевателей, поляк потихому, через второй выход на задний двор покинул дом и решил схорониться на сеновале, где при появлении бойцов от страха непроизвольно выдал себя громким звуком желудочно-кишечного тракта, но вылезать из сена категорически не захотел и в результате расстрела сеновала из автомата на звук поймал случайную пулю прямо в пятую точку. Теперь поляк, стараясь так удачно связанными за спиной руками зажать рану, чтобы уменьшить кровопотерю, пытался одновременно с этим сделать три вещи: он громко скулил, громко требовал оказать ему медицинскую помощь самому первому и не менее громко ругался на всех вокруг, причудливо перемежая при этом русские, белорусские, польские и немецкие выражения.

Третий и наиболее перспективный в информационном отношении кандидат для допроса, а именно немецкий радист, конечно, был наиболее предпочтителен, но он еще явно не отошел от шока, и Сергей пока опасался его трогать, чтобы тот не повредился рассудком окончательно.

Были еще пленные водители, которых тоже нужно было допросить, но это, пожалуй, в последнюю очередь, поскольку на них Сергей особых надежд не возлагал, считая, что никакой серьезной информацией водители не обладают.

– Так с кого же начать-то, при таком многообразии выбора?..

Размышления Сергея прервали громкие крики на русском языке, но с таким сильным акцентом, что смысл их сразу и не разобрать было. То ли «не убивай», то ли «не убивал». Отвлекаясь от выбора первоочередного кандидата для допроса, он с интересом воззрился на двух бойцов, которые волокли прямо к нему через площадь невысокого и щуплого немца, больше похожего на подростка, но одетого тем не менее, в черную униформу танковых войск. Немец не делал никаких попыток вырваться или оказать сопротивление, а только все время кричал по-русски эти два слова.

Сергею молоденький немчик, назвавшийся Куртом, мешая от волнения немецкие и русские слова, а последние еще и сильно коверкая, рассказал поистине нетривиальную историю своего появления в этом маленьком поселке в составе механизированного разведывательного взвода разведбата немецкой танковой дивизии. Как оказалось, русский язык он знает потому, что не совсем немец. Ну, или немножко русский – это как посмотреть. Если более конкретно, то у него была русская бабушка и дед из поволжских немцев, отец, соответственно, двуязыч-

ный полукровка. Сам отец, в том числе и по наследству от деда, очень хороший механик-моторист, много лет проработал по этой специальности в российском торговом флоте, исколесил полмира. В Германии встретил Марту, впоследствии мать Курта, женился и обосновался там, работал на автомобильном заводе, инженером в моторном цехе. Сам Курт с детства рос болезненным и физически слабым, но при этом был умным и любознательным, очень способным ко всякой механике и, как говорится, с золотыми руками, что немудрено, при такой-то наследственности. Поэтому еще даже школу не окончил, а уже на том же автомобильном заводе, что и отец, слесарем подрабатывал.

Ну, а сразу после школы Курт – уже младший механик-моторист на участке сборки двигателей, причем хороший, начальство его ценило. Казалось бы, удачный, динамичный старт благополучной жизни и успешной карьеры уважаемого немецкого специалиста. Вот только, когда по заводу поползли слухи о скорой войне с русскими и в курилках вонючей пенной волной начал бурлить национал-шовинизм, Курт, воспитанный отцом в любви и уважении к обеим великим нациям, пару раз высказался в коллективе. В том смысле, что Германии с Россией всегда не воевать, а дружить надо было, и тогда они, вместе, давно бы всех своих врагов по всему миру уничтожили. А мир, как известно, не без подлых людей. Вот и тут нашелся... особо озабоченный и сильно завистливый патриот... настроил в гестапо весточку. Мол, работающий на заводе, да еще незаслуженно много зарабатывающий молодой сопляк Курт – он ведь за Советы, против фатерланда и вообще, наверное, скрытый коммунист, а потому неблагонадежен. Гестапо радостно прореагировало, и началось кипучее расследование. Кто, что, когда и кому сказал, где и от кого такие мысли взял? Отца, про которого Курт за все время дознания не сказал ни слова, все равно чуть не выгнали с завода, а потом перевели, с его-то квалификацией и опытом, на минимальную оплату. Самого же Курта три месяца держали в камере и изводили на допросах, совершенно не стесняясь в методах физического воздействия, в результате чего парнишка только чудом избежал непоправимых увечий.

Помогли вырваться из когтистых лап гестапо хорошие характеристики из школы и от соседей. А еще то, что больше никто из рабочих показаний на Курта не дал. Но в покое его все равно не оставили – для корректировки социальной ориентации, в принудительном порядке отправили в передовые части действующей армии, которая на тот момент уже сосредотачивалась на границе с СССР. Там вроде бы Курту снова улыбнулась удача, и его, учитывая специальность и опыт работы с моторами, вместо отправки на передовую с винтовкой в руках, оставили в ремонтной роте танкового полка. Работа привычная, даже любимая, знай себе в моторах копайся, технику обслуживай да ремонтируй.

Но на второй-третий день войны, когда ремонтная рота, идя вслед за танковым полком, остановилась уже на территории Белоруссии, где-то в районе Гродно, очередной «настоящий солдат фюрера» снова написал донос командованию. Дескать, пока доблестная немецкая армия и истинные патриоты Германии все как один, и для этого не щадя... этот сопляк Курт в свободное от службы время общается с местным населением противника. Причем разговаривает при этом по-русски и даже подкармливает их маленьких детей – будущих рабов немецких хозяев этих территорий – из своего допайка (его начали выдавать немецким солдатам из продуктов, реквизируемых у местного населения на захваченных территориях). Учитывая высокую квалификацию и золотые руки Курта, который мог идеально отрегулировать любой мотор и починить любую технику, командование полка не стало сдавать его в контрразведку или фельджандармерию, а также посылать в пехоту на передовую, чтобы не потерять хорошего специалиста безвозвратно по причине смерти или инвалидности. Вместо этого, «дабы выбить лишнюю дурь и неуместный гуманизм», как выразился командир ремонтной роты, Курта временно сунули «на перевоспитание» к самым отмороженным и жестоким ублюдкам даже среди нацистов – в отдельный разведывательный батальон 19-й танковой дивизии, в качестве водителя боевой машины. Туда как раз начали поступать новейшие полугусеничные бронетранспортеры

Sd. Kfz.250. Машины очень хорошие, но чувствительные к техническому состоянию и требующие грамотного обслуживания, которое, помимо службы и выполнения боевых задач, тоже должен был обеспечивать Курт. Вот там ему жилось уже совсем горестно, потому что brave немецкие разведчики в процессе его перевоспитания не опускались до унижительных философских диспутов и, в полном соответствии с призывами партайгеноссе Геббельса, освобождали юного Курта от химеры, называемой совестью, самыми доступными их пониманию способами, а именно постоянными побоями и физическими издевательствами.

Потом первую роту разведбата, в первом взводе которой теперь перевоспитывался Курт, штаб танковой дивизии одолжил «во временное пользование» командованию 162-й пехотной дивизии (это практиковалось, хотя и сильно не одобрялось командованием самих разведывательных батальонов), с задачами ведения мобильной разведки местности от границы до Белостока, выявления разрозненных очагов обороны и подавления отдельных групп отступающих войск противника, а также выявления мест хранения и дислокации оставленной техники, боеприпасов, иных ресурсов. Несколько дней броневая разведрота колесила по приграничным территориям, нашли много полезного и уничтожили несколько очагов сопротивления, а вчера их перебросили в Суховолю, с теми же задачами. И попутно, на время дислокации в Суховоле, с задачей временного усиления пехотного батальона 329-го полка 162-й пехотной дивизии, который захватил населенный пункт и теперь удерживал его до момента подхода основных сил дивизии.

Таким вот причудливым способом Курт сегодня оказался в поселке Янув, где немецкие разведчики занялись привычным и любимым делом, то есть грабежами и насилием, а Курт, как он делал уже несколько раз, постарался спрятаться куда-нибудь в дальний угол, чтобы все это меньше видеть и слышать.

Сергей, выслушав историю молоденького немца, в столь юном возрасте уже хлебнувшего лиха полной ложкой, а потом осмотрев на его лице и теле многочисленные следы воспитательных воздействий его новых сослуживцев, изрядно расчувствовался. И сразу решил, что Курт в этой войне настрадался уже более чем достаточно, а потому особистам и потом в лагерь он парнишку не отдаст, оставит при отряде. А оставаясь при отряде, тот еще и пользу принесет несомненную. И как переводчик, и как механик, да и как еще один источник информации, он лишним точно не будет. Но пока мальчишку надо, что называется, «и накормить, и обогреть», а еще временно убрать подальше от загребущих рук особистов Трофимова и самого бригадного комиссара. Хотя бы до тех пор, пока Сергей не договорится с Трофимовым считать Курта не пленным фашистским завоевателем, а «настоящим патриотом Германии, добровольно перешедшим на сторону советской власти». Поэтому Сергей сдал Курта с рук на руки старшине Авдееву, шепнув тому, что мальчишку обиходить и приласкать надо да держать пока подальше от отрядных представителей советской власти, главный из которых должен появиться поблизости с минуты на минуту.

Бригадного комиссара Трофимова Сергей, успевший к тому времени довести командному составу отряда общую диспозицию, сориентировать по обстановке и раздать персональные задачи, встретил широкой улыбкой.

– Ну, с почином вас, товарищ бригадный комиссар, – первый бой нашего отряда прошел в целом удачно, боевые задачи выполнены...

– Вижу, вижу, что доволен, – наигранно хмуро проворчал Трофимов, сам изо всех сил сдерживая улыбку, только что закончившийся быстротечный и эффективный бой его тоже изрядно впечатлил. – Сделал-таки по-своему, баламут упрямый, впереди всех под пули полез. А мне, значит, нервничай, переживай тут за него... Ладно, давай, докладывай результаты боя, вижу же, что не терпится тебе похвалиться.

Однако выслушав доклад о результатах боя, бригадный комиссар повел себя несколько странно. Сначала закаменел лицом, отвернулся и даже отошел на пару шагов, постоял так

немного, словно обдумывая что-то, а потом резко вернулся и уставился в лицо Сергею тяжелым взглядом.

– Послушай, лейтенант... Или я совсем ничего не понимаю в военном деле, или ты мне сейчас изрядно заливаешь. Как!.. Как такое может быть, чтобы вы, атакуя целый взвод немецкой моторизованной пехоты – самой лучшей на сегодня пехоты, да еще и на бронетехнике, – причем атакуя даже чуть меньшими силами, в потерях имеете всего трех убитых и десяток раненых?! Вы что, с малолетними хулиганами тут воевали или с безоружными деревенскими увальнями, вообще понятия об организации и тактике боя не имеющими?! Поэтому хватит пудрить мне мозги и давай рассказывай подробно, как так вышло и в чем тут секрет кроется, вояка!..

– Ну, не то чтобы секрет, но нюансы, конечно же, присутствуют, – ответил Сергей. – Если коротко, то еще великий русский полководец Александр Суворов любил говаривать: «удивил – победил». Вот и мы смогли немцев удивить – новой тактикой и новой организацией боя, чего они не ожидали никак. А еще они совсем не ожидали нашего здесь появления и просто неприлично расслабились, настроившись на отдых и разврат, – какой уж тут бой и какое сопротивление, со спущенными-то штанами. К тому же – тут вы совершенно правильно отметили, товарищ бригадный комиссар, – это была пехота моторизованная, заточенная на свое техническое превосходство и уже привыкшая воевать на бронетехнике. Если вы заметили, когда со стороны бой наблюдали, они ведь и здесь первым делом к своей броне и пулеметам кинулись. А техника оказалась уже захвачена, и пулеметы уже против них развернуты, огонь на поражение ведут – отсюда, в условиях неожиданной потери технического превосходства, растерянность, некоторый ступор... В психологии это называется разрыв шаблона... И, как следствие, потеря инициативы, падение боевого духа и боеготовности.

Это если вкратце, товарищ бригадный комиссар, более подробно, если захотите, можно будет поговорить потом, как время будет и уже после детального разбора действий в бою обеих сторон. А сейчас у нас есть другие срочные дела. И в одном таком деле как раз ваша помощь необходима будет...

– Излагай, лейтенант.

– Надо бы с местным населением работу провести. И разъяснительную, в контексте того, что это сейчас тут такое было, а также какие у них теперь могут быть перспективы, и особенно разведывательную, на предмет выяснения обстановки вокруг поселка и его окрестностей. Кто через поселок и его окрестности отступал, когда, что с собой при этом тащил и что где по дороге бросил, особенно поблизости от поселка... Думается мне, здесь мы тоже неслабо чего полезного собрать можем. И лучше вас, товарищ бригадный комиссар, с этой задачей никто не справится, так что не откажите в помощи. Еще со старостой поселка переговорить надо бы, на предмет взаимопонимания и обеспечения лояльности...

– Ну-ну, лейтенант, ты еще мне тезисы для выступления диктовать начни, – снисходительно и слегка насмешливо прервал Сергея Трофимов. – Или ты думаешь, что мне звание бригадного комиссара просто так присвоили, для антуража? То, что сам не полез с местными общаться, это ты молодец, осмотрительно поступил, а то, со своим знанием местных реалий и политической обстановки, обязательно дров наломал бы. Ну, а я уж как-нибудь сам разберусь, с кем и о чем говорить. Ты за это понапрасну не беспокойся.

– Все понял, товарищ бригадный комиссар, – смущенно пробормотал Сергей, слегка досадуя на себя; забыл он там, в свое время, что такое настоящие политические руководители, матерого комиссара и чекиста общению с людьми учить взялся... – Я тогда у вас под ногами путаться не буду, а пока возьму Кешу, то есть военинженера третьего ранга Иннокентия Беляева, и с пленным радистом побеседую, он вроде от шока при осознании своего нового положения уже слегка оправился.

– Подожди, ты же вроде в отношении Беляева подозрения имел? Или уже не имеешь?..

– Ну, не то чтобы совсем не имею, товарищ бригадный комиссар. Есть еще некоторые туманные моменты. Но многие непонятные вопросы мы с ним в процессе недавней беседы прояснили – я вам потом, как с первоочередными делами разберемся, все более подробно расскажу. Пока скажу только, что он точно не вражеский шпион и действительно очень хорошо соображает в радиосвязи, то есть его военно-техническая специальность и звание вполне реальные. А еще он бегло говорит по-немецки и по-английски, за это спасибо его родителям, которые сыночка с детства развивали усиленно. Вот этими его знаниями и радиосвязи, и языка я сейчас собираюсь воспользоваться...

Немецкий радист, как Сергей и ожидал, оказался существом достаточно разумным и, сделав правильные выводы из сложившейся обстановки, изъявил очень сильное желание добровольно сотрудничать с советской администрацией в лице командования отряда. Собственно, ничего особо необычного в этом не было – во всех армиях мира радисты, причем именно радисты, а не все связисты поголовно, являются, можно сказать, наиболее тонкими военными специалистами и относятся скорее к армейской технической интеллигенции, чем к грубым и малочувствительным солдафонам переднего края поля боя. Соответственно, имея высокий уровень интеллекта и гораздо более чуткое восприятие, эти люди способны гораздо полнее и ярче представить и прочувствовать всю прелесть предстоящего зажима в грубые подручные приспособления отдельных выступающих частей своего нежно лелеемого организма.

Так вот, радист, будучи доставлен в отдаленный сарайчик, выбранный Сергеем в качестве места проведения допросов, даже не дожидаясь первичных установочных вопросов, сам, в инициативном порядке, быстро затараторил по-немецки о своей принадлежности к рабочему классу, давней ненависти к фашизму и горячей любви к идеям марксизма. А также о том, что, благодаря своевременному вмешательству советских «камрадов», избавивших его от необходимости подчиняться грубому насилию и дальше служить в немецкой армии, он теперь готов со всем усердием помогать советскому командованию. При этом, как интеллигентные и тонко чувствующие люди, ни лейтенант Иванов, ни новоявленный патриот немецкого социализма в процессе разговора не поднимали вопрос о том, каким образом столь ярый противник фашизма вообще и службы в захватнической немецкой армии в частности оказался в составе элитных разведывательных частей танковых войск вермахта. Сергей, ввиду активного желания немецкого радиста сотрудничать решивший отложить эти вопросы на потом, еще только и подумал с внутренней усмешкой о том, что воистину тысячу раз прав был один знаменитый «криминальный философ», любивший повторять, что добрым словом, совмещенным с угрозой насилия, от человека можно добиться гораздо большего, чем просто добрым словом...

Более чем удовлетворенный допросом радиста, а в особенности тем, что информация в отношении Курта и искренность последнего подтвердились, Сергей решил немецкого лейтенанта и его прихвостня – поляка пока не трогать... Информации сейчас вполне достаточно, и целесообразность расходовать их в результате полевого допроса с пристрастием ради ее получения сейчас исчезла. А говорить по-хорошему они явно не будут. Поэтому пусть пока поживут – может, и пригодятся для чего-нибудь в дальнейшем.

Осталось прояснить вопрос с избитыми танкистами, на которых он чуть не наступил в десантном отсеке бронетранспортера. При более детальном рассмотрении теперешней внешности танкистов мысль о том, что это может быть операция внедрения абвера, отпала сразу и бесповоротно – на такие повреждения, практически на грани инвалидности, добровольно не согласился бы ни один агент. Отрядные медики уже успели немного привести их чувство, перевязали и обработали большинство повреждений. Но выглядели танкисты по-прежнему ужасно. Совсем еще молоденькие ребята – наверняка только недавно из училища. По всему телу следы жестоких побоев, частично выбитые зубы и заплывшие кровоподтеками лица. У одного сломан нос, у второго сильно поврежден глаз. Руки и ноги у обоих были связаны не веревкой, а жесткой проволокой, в результате чего имели сильные повреждения и прорезы кожи, в некоторых

местах до кости. Сергей, как узнал от медиков о состоянии и повреждениях танкистов, с большим трудом сдержался, чтобы не передумать и не покалечить немецкого лейтенанта прямо сейчас. Но все-таки сдержался и выслушал грустную историю ребят.

А история была типичная для первых дней этой войны. Молоденькие, меньше года как из училища, танкисты служили в 104-м разведывательном батальоне 29-й моторизованной Вятской, имени Финляндского пролетариата, дивизии 6-го мехкорпуса, которая, как знал Сергей, буквально перед самой войной была передислоцирована из Слонима в Белосток, где входила в состав войск 2-го (Белостокского) района прикрытия госграницы. В составе 6-го мехкорпуса участвовала в неудачном контрударе под Гродно, вела бои с частями немецкого 20-го армейского корпуса, потом, после провала контрудара, отступала за реку Свислочь. В его варианте истории эта дивизия, имевшая, как и все части 6-го мехкорпуса, неплохой уровень вооружения и оснащения, попала в окружение и к концу июня уже была практически полностью разбита, прекратив свое существование как воинское формирование. Сергей очень надеялся, что здесь и сейчас этого не произойдет – зря он, что ли, так подробно расписывал генералу Хацкилевичу, кого, где и как можно спасти от окружения и уничтожения.

Разведбат 29-й моторизованной дивизии с первых дней войны был выброшен вперед, выполняя задачи разведки по своему профилю, а потом, при суматошном отступлении дивизии и в условиях отсутствия связи с командованием, остался как бы сам по себе, вынужденный выбираться к своим самостоятельно.

Разведзвод старшего сержанта Панасюка в составе пяти малых плавающих танков, в числе которых, кстати, были и два новейших, только-только начавших поступать в войска, радиальных танка Т-40 (здесь Сергей сразу сделал охотничью стойку, но решил вернуться к этому вопросу чуть позже), немало поколесил по округе, разведывая местность и обстановку в районе от Белостока до границы. Видели много битой и брошенной техники, вооружения, много всего остального брошенного имущества. Сначала поддерживали с командованием связь по радио, потом связь прервалась. Выкатили почти всю горючку, но в точке встречи, где по плану должны были пополнить топливо, нашли только разбитую авиацией колонну техники и сгоревшие бензовозы. После этого Панасюк принял решение возвращаться к месту дислокации, под Белосток, но по пути топливо кончилось совсем, и машины встали. Встали, кстати, не очень далеко от Янува, километрах примерно в десяти. И тогда старший сержант со своим мехводом, оставив остальные экипажи охранять и оборонять технику, отправился пешим ходом в близлежащую деревню. Пошли в надежде найти продукты, может быть, еще работающий телефон, а еще была надежда встретить отступающие части и как-нибудь разжиться горючим. Местное население встретило настороженно, но немного продуктов все же дали. А на выходе из деревни танкисты, радостные от того, что добыли продукты, и от этого утратившие бдительность, буквально нос к носу столкнулись с немецкой разведкой. Здесь Панасюк сначала растерялся и впал в легкий ступор, а потом бежать и прятаться было уже поздно. Немцы, после первичного жесткого допроса выяснив, что танкисты тоже разведчики и знают немало о брошенной в округе технике, а также поняв, что их танки находятся не очень далеко, с экипажами, но без топлива, сразу убивать ребят не стали, прихватили с собой для дальнейшего получения информации. И еще для того, чтобы завтра те показали дорогу к своим танкам. Так двое молодых танкистов оказались в Януве с крайне скверными перспективами на будущее.

– И что, вы оба вот так вот взяли и предали своих боевых товарищей? – зловеще и с изрядной примесью брезгливого презрения переспросил один из особистов Трофимова, который по указанию своего начальства все время отирался на площади и сейчас слушал разговор Сергея с танкистами.

Панасюк виновато посмотрел на него, сглотнул и тихо ответил:

– Очень уж сильно били, товарищ старший политрук... Но потом, когда нас, связанных, в кузове бросили, мы между собой решили немцев завтра по пути к нашим танкам в болото завести, а там – будь что будет...

Слушая ответы старшего сержанта особисту, Сергей на краю сознания подумал, что ребятам в каком-то смысле еще и повезло – такие вот, малые плавающие разведывательные машины в первые дни войны растерянное командование без затей бросало во встречные танковые бои или в атаки на развернутую противотанковую оборону. Где они, с их тонкой противопульной броней, горели как спички, зачастую даже не успев нанести противнику никакого урона. В результате почти все эти нужные и очень полезные для разведки, да к тому же неплохо плавающие (особенно Т-40!) боевые машины были уничтожены без всякой пользы. Здесь же есть шанс пяток этих по-своему очень удачных и полезных боевых машин заиметь, а уж как их грамотно использовать, особенно в условиях окружающей лесисто-болотистой местности, насыщенной к тому же речками и речушками, он отлично знает...

И еще подумал – ага, а немцы такие дураки, чтобы вот так вот запросто в это болото и поперлись бы, но вслух ничего не сказал. Молодые, наивные и неопытные ребята, попавшие в нештатную ситуацию, к которой их никто не готовил, да еще после жестоких побоев и издевательств, – ну что они еще могли придумать-то? Тот же старший сержант – старший он, по всей видимости, только по результатам боевой подготовки и освоения новой боевой техники, а так, по возрасту, такой же неопытный мальчишка.

Наоборот, видя, что особист никак не уймется и продолжает мерзко докапываться до избитых мальчишек, причем наращивая громкость голоса и уровень демонстрируемого презрения, Сергей оглянулся на так удачно подошедшего бригадного комиссара и взглядом попросил того отозвать своего ретивого помощника. А когда Трофимов, который уже успел провести короткий митинг с жителями поселка и только что закончил разговор с их старостой, с ходу вникнув в ситуацию, подозвал особиста и отошел с ним чуть в сторону, повернулся к танкистам и тихо сказал:

– Ничего, ребятки... Сейчас важно не то, что при жестком допросе все рассказали – тут не факт, что кто другой устоял бы или долго вытерпеть смог. Важно то, как потом решили и какой урок вам из этого будет. На будущее советую всегда иметь при себе оборонительную гранату Ф-1 с запалом мгновенного действия – это и вас в случае чего от неизбежного плена избавит, и врагов с собой при этом немало заберете.

После чего оставил танкистов на дальнейшее попечение медиков и, подойдя к Трофимову, негромко сказал, как бы в пустоту, но адресуясь именно к ретивому особисту:

– А кто в плену или просто на жестком полевом допросе не бывал, тот пусть сначала на себе это попробует, а потом других судит. – И потом, обращаясь уже персонально к нему: – Если хотите, то для обретения личного опыта и расширения общего кругозора приглашаю вас, товарищ старший политрук, поприсутствовать на предстоящем полевом допросе пленного немецкого лейтенанта. И прикинуть то, что вы там увидите, персонально на себя. А потом, если будет на то ваше желание, мы можем еще раз вернуться к обсуждению темы несгибаемой стойкости и героизма советского человека во вражеском плену.

Старший политрук, выслушав слова Сергея, сначала побагровел, явно собираясь тут же поставить на место наглого лейтенанта, и уже открыл было рот, но потом, видимо, вспомнил, что лейтенант этот не простой и вообще-то именно он отрядом командует, а непосредственное начальство самого политрука с этим наглым лейтенантом как-то очень уж близко общается, советуется... и беспомощно уставился на это самое свое непосредственное начальство, пытаясь понять, что теперь делать.

Бригадный комиссар тоже налился дурной краснотой – как же, по его подчиненному и помощнику потоптались, хоть и не без оснований, но ведь ведомственная солидарность и взаимовыручка никуда не делась – и прошипел:

– Что ты себе позволяешь, лейтенант?! Совсем берега попутал?..

Сергей, глядя в бешеные глаза Трофимова, все так же тихо и бесстрастно ответил:

– Никак нет, товарищ бригадный комиссар, не попутал. Просто хочу показать вашим помощникам, как проходит жесткий и быстрый полевой допрос в боевых условиях. Уверен, им это будет очень полезно посмотреть, себя на месте допрашиваемого представить, чтобы на будущее не путали измороженных молодых мальчишек с настоящими шпионами и врагами Родины.

Трофимов еще пару секунд бешено сверлил глазами лейтенанта Иванова, потом выдохнул и отвел взгляд, как бы молчаливо признавая, что Сергей, хоть и нарушил сейчас субординацию, да еще прямо на площади, где его могли услышать посторонние, но по существу все же прав, а его подчиненный с этими молодыми танкистами палку перегнул. Постояв так еще несколько секунд, мотнул головой, чтобы старший политрук отошел, и пробурчал персонально Сергею:

– Не надо им на это смотреть, не на пользу им такое знание будет. Да и никому оно не на пользу... Думаешь, лейтенант, ты один войну прошел и пленным языки развязывал? Я в Гражданскую еще и не такого насмотрелся. И не только насмотрелся... В общем, так, лейтенант. Согласен, мой помощник здесь переусердствовал, но я с ними обоими потом сам поговорю, разьясню обстоятельства, ты сюда не лезь и с ними не конфликтуй, не обостряй ситуацию. А тебе – вот, держи, здесь информация о возможном нахождении в окрестностях поселка наших бойцов и техники по результатам беседы с жителями и старостой поселка, – ловко перевел разговор с явно неприятной для него темы Трофимов. – И еще – что там, по результатам допроса с немецким радистом?

– С радистом? – охотно подхватил тему Сергей, со своей стороны тоже не заинтересованный в осложнении отношений ни с куратором отряда, ни с его помощниками. Прояснили позиции, определили границы – и ладно. – С радистом, товарищ бригадный комиссар, нам, можно сказать, фортуна улыбнулась во все зубы, причем даже дважды. Мало того что он оказался личностью возвышенной, впечатлительной и решил не искушать судьбу отказом от сотрудничества, а потому чистосердечно и подробно ответил на все вопросы, в том числе помимо прочего подробно рассказав, где они в окрестностях успели побывать и чего нашли, да еще и на карте показал. Так он еще до боя, во исполнение приказа своего бывшего командира взвода, успел передать в Суховолу, дежурному радисту временно дислоцированной там разведроты, что у их броневоего разведзвода все хорошо, противник не обнаружен, запланированные на сегодня задачи выполнены. А еще передал, что на отдых и развлекательные мероприятия с местным населением взвод остановился в Януве и следующий сеанс связи будет только утром, да и то не рано, чтобы, значит, господина лейтенанта после обильного ужина и бурной ночи не беспокоить. Это дает нам дополнительный запас времени на то, чтобы спокойно осмотреться и пошарить в окрестностях. И к тому же открывает очень интересные перспективы в плане использования радиосвязи и самого немецкого радиста для дезинформации немцев в Суховоле...

– Думаешь, радист не врет? – с сомнением прервал Сергея Трофимов, недоверчиво покачивая головой.

– Думаю, не врет, товарищ бригадный комиссар, – уверенно ответил Сергей. – Я его слова уже перепроверил на основании данных, полученных из другого источника.

И на вопросительный взгляд Трофимова пояснил:

– Да завелся у нас тут... еще один источник информации, можно сказать, альтернативный. – После чего коротко пересказал историю Курта и добавил: – Вот как-то так. Я его к вам на беседу потом, в индивидуальном порядке доставлю, а пока отослал помогать нашим водителям трофейные бронетранспортеры осваивать, ну и под пригляд старшины Авдеева. Тот его еще своими методами дополнительно проверит, но я уверен, что парень – наш человек.

– А моим особистам, стало быть, ты его не хочешь на проверку отдавать?

– Вы только поймите меня правильно, товарищ бригадный комиссар. Ваши помощники – я, кстати, это еще когда они с кавалеристами работали, отметил, – они, как бы это поточнее выразить... слишком категоричные и безапелляционные, что ли. Не буду утверждать, что это всегда и однозначно плохо, но в данной ситуации будет как раз плохо. Парнишка и так уже успел горя нахлебаться, а тут ваши бескомпромиссные, скорые в суждениях борцы с предателями и прочими врагами Родины. Не удержатся ведь, попортят пареньку здоровье, а оно у него и так не очень, после всего пережитого. Поэтому, думаю, не стоит пока Курта подвергать новым ощущениям, а их – лишним искушениям.

– Вот, значит, как оно получается, – с некоторым весельем в голосе произнес Трофимов. – Стало быть, командир Красной армии немца защищает, причем от кого?! От насквозь родных и неизменно бдительных «органов»?!

Сергей по виду и интонациям Трофимова ясно видел, что бригадный комиссар говорит без злобы и не всерьез – так, слегка ерничает, скорее всего, просто разряжая обстановку после неприятного диалога про перегибы своих помощников. Но ответил серьезно, раз уж зашел разговор о таких важных и принципиальных вопросах.

– А чего же мне его не защищать, товарищ бригадный комиссар, особенно учитывая, что это правильный немец. Да и не с немцами мы ведь сейчас сражаемся, а с фашистами и их прихлебателями, и национальностей там сейчас намешано очень много, в том числе уже и русские есть, и даже советские, что с началом войны на сторону фашистов перешли. А немцы... немцы ведь испокон веков на Русь приходили, и служить, и работать, да на Руси и жить оставались, роднились с нами через браки, верой и правдой служили своей новой родине. Правильные, настоящие немцы, я имею в виду – работающие, дисциплинированные, пунктуальные, законопослушные, чем и славится всегда весь их народ. Вспомните, сколько из них, из таких немцев, прославились сами на русской службе и прославили величие России. И сколько из них окончательно обрусели, стали основателями славных русских родов, где уже и не поймешь конкретно, немцы они или русские?

Ну вот, к примеру, взять только наиболее известных из них: Барклай-де-Толли, полководец, военный министр, герой Отечественной войны 1812 года; Тотлебен, генерал, знаменитый военный инженер; Крузенштерн, адмирал, мореплаватель, один из организаторов и участников первой русской кругосветной экспедиции; Беллинсгаузен, тоже адмирал и мореплаватель, первооткрыватель Антарктиды. Или если не в военном деле, а в других областях брать – Фонвизин, создатель русской бытовой комедии; Якоби, физик, открыватель гальванопластики; Ленц, тоже физик, один из основоположников электротехники... Да взять того же Курта – у него ведь тоже корни русские есть: по отцу дед из поволжских немцев, а бабушка вообще русская. Или вот, посмотрите – наглядная иллюстрация моих слов о тесной связи двух великих народов и взаимопроникновении культур русской и немецкой наций – вот она, висит на ремнях наших бойцов.

Вот скажите, что это? Пехотная лопатка? А как еще она называется в нашей военной классификации? Правильно – «шанцевый инструмент». А почему шанцевый? Да потому что название русской пехотной лопатки образовано от немецкого слова «Schanze», что означает «окоп, укрепление»! А все почему? Да потому, что еще со времен Петра Первого немцы в русской армии командирами и инструкторами служили! Причем, за редкими исключениями – ну, так сволочей в каждом народе хватает, – служили честно, отважно и добросовестно, за что и ценимы были.

А та фашистская сволочь, что сейчас рвется на нашу территорию и устраивает всяческие зверства, – так это не немцы, а фашисты, то есть не люди даже, а, можно сказать, экологический мусор, вонючие отходы и грязная пена немецкого народа. Еще раз повторяю – это отходы и человеческий мусор не только немецкого народа, но и многих других, я сейчас даже перечис-

лять не буду, хотя вон там, неподалеку, валяется, скулит и нецензурно ругается животное в человеческом облике, и он не немец, а вроде как поляк, но все равно фашистская сволочь.

И ведь, что самое страшное, вся эта фашистская свора тащит за собой огромное количество оболваненных пропагандой обычных людей разных национальностей, которые без этого спокойно жили бы и работали у себя на родине, им эта война тоже совершенно не нужна...

Так вот, товарищ бригадный комиссар, я твердо убежден, что второй нашей важнейшей задачей, после задачи уничтожения фашистских захватчиков всеми силами, всегда и везде, при любой возможности, как раз и является задача объяснить таким вот одурманенным и оболваненным простым людям всю глубину, всю пагубность их заблуждений. А еще пагубность и смертельную для них ошибку прихода с войной сюда, на нашу землю. Если нужно, то объяснять после крепкого пинка сапогом по мужскому достоинству и сильного удара прикладом в зубы – так оно этим заблудшим еще быстрее и понятнее доходить будет...

А вот за сведения большое спасибо, товарищ бригадный комиссар, – в свою очередь перевел на другую тему неудобный разговор Сергей. – Я прямо сейчас с ними поработаю, может быть, поблизости от поселка еще что-нибудь для нас нужное и полезное отыщем.

С этими словами Сергей оставил Трофимова проводить воспитательную работу с его помощниками, а сам с головой окунулся в бурную пучину хлопотливой организационной суеты, неизбежной в нынешних обстоятельствах...

Глава 2

– Р-р-раздолбай... сукины дети!.. Балбесы... придурки шальные! – злобным полусшепотом – все-таки казаки, своя, особая, можно сказать, станичная братчина, не след их перед разными остальными позорить, – тихо бушевал командир сводного кавалерийского взвода капитан Сотников в углу поселковой площади, подальше от лейтенанта Иванова. – Приказ вам какой по атаке даден был?! А ваши подчиненные – горе-кавалеристы, степных репьев им полные штаны, – что устроили?! Вместо четкого выполнения поставленной боевой задачи они джигитовку затеяли?! А вы сами, е... ханый бабай, чего тут устроили?! Вы не только это безобразие не прекратили, но и сами туда же полезли?! Вы вообще кто? Вы отделенные командиры боевого казачьего – растудить вас через коромысло – кавалерийского эскадрона или собачата, щенки дурные, которым, все на свете позабыв, лишь бы побеситься да бестолковую возню устроить?!..

Сотников пребывал в расстроенных чувствах и скверном расположении духа. Конечно, не в таком скверном, как еще сегодня утром, когда его – сильно потрепанный и отяжелевший обозом, ранеными и приبلудившимися по дороге разными потеряшками – эскадрон после бессонной ночи и тяжелого ночного марша по раскисшей от внезапного ночного ливня грунтовой дороге спрятался от немецкой авиации на дневку. И где потом их нашли бойцы этого... лейтенанта Иванова, что сидит сейчас на другом краю поселковой площади, прямо на земле, возле одного из только что захваченных немецких бронетранспортеров, с радостной полуулыбкой на своей чрезвычайно довольной морде лица и подставляет оную жаркому июньскому солнцу. Тогда были разочарование, чувство тоски и безысходности, усталость, а также гнетущее чувство невозможности облегчить тяготы раненых, обеспечить всем необходимым своих подчиненных. А еще – тяжелое чувство неизвестности от непонимания, куда отступают регулярные части, где они сейчас, когда эскадрон их догонит и доживут ли до этого момента раненые...

После встречи с отрядом лейтенанта Иванова все волшебным образом изменилось. Оказалось, что советские войска не так уж и бегут, или, по крайней мере, бегут не все, и в районе Белостока уже организовывается новый оборонительный укрепрайон, куда со всего Белостокского выступа стягиваются доступные силы для организации отпора врагу. И даже за линию фронта, в немецкий тыл, уже направляются такие вот, как у этого лейтенанта Иванова, мобильные отряды, для выполнения там различных боевых задач.

Весь обоз и все небоеспособные были отправлены в оказавшийся не очень и далеким тыл, где им гарантированно окажут помощь, а весь боевой состав, с комэском во главе, сначала накормленный и дооснащенный, а потом вздернутый в строй, как положено, и там вздрюченный цепкой и твердой рукой лейтенанта Иванова, воспрял духом и ринулся в немецкий тыл – воевать с фашистами. Как показала последующая практика, даже слишком сильно воспрял, ибо в первом же бою этот боевой состав своими самовольными выходками навоевал себе на ведерную клизму со скипидаром, а ему, капитану Сотникову, на испорченное настроение и грядущую выволочку от начальства – причем выволочку совершенно справедливую, заслуженную...

– Вы что же, думаете, что мне, командиру кавалерийского казачьего эскадрона и целому капитану, не хотелось тоже немцев порубать?! И что, мне тоже надо было, бросив командование, очертя голову кинуться туда с шашкой наголо? Ну, не слышу ответа?! Нет, не стоило? Так какого же тогда рожна, бл... блин горелый?! Почему же тогда вы, песьи дети, свои обязанности по руководству боем не выполнили?!

Поймав виновато-раскаивающиеся взгляды подчиненных, Сотников чуть смягчил свои слова и оценки в описании деятельности своих младших командиров.

– В общем, так... Будем считать, что свои боевые задачи при атаке поселка кавалерия в целом выполнила. Повторяю – в целом. Но самостоятельность ваша и ваших бойцов, которых вы не остановили, привела к лишним потерям, в том числе потерям безвозвратным! И эти лишние потери на вашей совести, так и знайте!..

– Товарищ капитан...

– Молчать! Что «товарищ капитан»?! Товарищу капитану сейчас еще выволочку от начальства из-за вас, жеребцов стоялых, получать...

Выплеснув эмоции и чуть успокоившись, Сотников скосил взгляд в сторону лейтенанта Иванова, который уже закончил улыбаться солнцу и сейчас разговаривал о чем-то с маленьким и худым пленным немцем, которого только что приволокли откуда-то пехотинцы. После чего торопливо закончил:

– В общем, так, товарищи красные кавалеристы и попутно представители младшего состава кавалерийского эскадрона... Если еще раз что-нибудь подобное повторится – командным составом вам уже не быть. А может, и кавалеристами не быть тоже, – отправлю, к чертовой матери, в пехоту или того хуже – в мазуту, к Гаврилову, будете там технику надраивать да на побегушках носиться, как недотепы какие, более ни на что не способные. Теперь о том, что дальше делать и как дальше быть. Сейчас крайне необходимо подмоченную этими дурацкими выходками репутацию эскадрона как можно скорее восстановить. И путь здесь только один – больше так, жидко и вонюче, не обделываться, а вместо этого выполнять все поставленные задачи – хоть боевые, хоть любые другие – образцово. Это понятно? Вопросы есть? Нет? Тогда марш к личному составу, проводить разъяснительную и воспитательную работу, на все про все у вас примерно полчаса. Потом я подойду, доведу диспозицию и текущие задачи.

Отпустив своих облегченно вздохнувших отделенных командиров, Сотников с тяжелым сердцем направился уже к своему новому командиру, получать вполне заслуженный нагоняй. И был в очередной раз за сегодняшний, такой очень долгий день сильно удивлен, причем на этот раз, для разнообразия, удивлен приятно. Лейтенант Иванов ни при остальных командирах, ни даже потом, наедине, вполне заслуженный и ожидаемый разнос по действиям кавалерии устраивать не стал, ограничился только указанием подтянуть дисциплину и более подобных инцидентов не допускать, после чего сразу перешел к доведению текущей обстановки и обсуждению насущных вопросов, а потом к постановке индивидуальных задач.

Вот тогда, после этого короткого совещания, Сотников окончательно для себя понял, что этот «лейтенант Иванов» – он такой же лейтенант, как сам Сотников – маршал Буденный. Комэск ведь, даром что на первый взгляд выглядел вспыльчивым и не особо одаренным в умственном отношении лихим рубакой, а способности подмечать детали и анализировать имеющиеся данные имел, причем способности неплохие – в разведке без этого очень сложно или вообще никак. И весь этот, такой длительный день, с того самого момента, как встретил упомянутого лейтенанта и, совершенно неожиданно для себя, оказался у него в подчинении, исподволь наблюдал за своим новым командиром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.